

Тогда м-ръ Бладберри перевелъ ее къ себѣ на квартиру и уступилъ ей свою собственную спальню, и не пускалъ ее на улицу, иначе какъ днемъ, и только тогда, когда не было холоднаго вѣтра. Его обращеніе съ дѣвушкой стало мягкое и нѣжное; онъ придумывалъ для нея такія кушанья, которыя могли бы возбудить въ ней аппетитъ; привелъ къ ней доктора и заставлялъ ее принимать лекарство и старался изо всѣхъ силъ разсѣять мракъ и отчаяніе, царившія въ душѣ бѣдняжки. Онъ убѣждалъ ее, что Джима скоро выпустятъ на свободу и что его слѣдуетъ принять съ открытыми объятіями, потому что онъ ничего худого не сдѣлалъ, былъ только безпеченъ, а это еще не Богъ вѣсть какое преступленіе; и что сама она ровно ни въ чемъ не виновата, такъ какъ изъ всѣхъ невинныхъ дѣвушекъ въ мірѣ, она—самая невинная. Но его слова никакого другаго дѣйствія не производили какъ только то, что она начинала плакать, а когда онъ говорилъ о томъ, что ее милаго выпустятъ на свободу, то она содрогалась, потому что думала, что онъ навѣрное позабылъ ее, какъ его мать на то надѣялась. А можетъ быть, онъ также убѣдился, что она дурная женщина и теперь стыдится ея. Когда дѣвушка наслушается столькихъ грубыхъ и жестокихъ словъ, обращенныхъ къ ней, то ласковыя слова заставляютъ ее плакать.

Въ послѣднее воскресенье февраля мѣсяца—Джимъ долженъ былъ быть выпущенъ въ первый понедѣльникъ марта мѣсяца—м-ръ Бладберри встрѣтилъ на Сити-Родѣ дѣдушку и бабушку Джуліи, гулявшихъ подъ ручку. Ихъ отпустили на цѣлый день изъ богадельни, такъ какъ теперь они облеклись въ красивый и изящный мундиръ дома призрѣнія св. Луки. Нельзя было бы встрѣтить болѣе почтенную и добродѣтельную на видъ чету, какъ эти два старичка. Прохожіе могли подумать, что они пожертвовали все свое имущество на добрыя дѣла, и этимъ объясняется ихъ почетная бѣдность,—такимъ сѣдымъ патриархомъ смотрѣлъ старикъ и такой кроткой старушкой казалась его жена.

М-ръ Бладберри остановилъ ихъ и прорычалъ:

— Что касается Джуліи...

— О! какая неблагодарная и дрянная дѣвчонка!—перебила бабушка.—О! бросить своихъ престарѣлыхъ...

— Что касается Джуліи,—продолжалъ онъ, не обративъ вниманія на перерывъ,—то я думаю, что она умираетъ. Я нашелъ нужнымъ объявить вамъ это, потому что не намѣренъ дозволить вамъ беспокоить ее въ послѣдніе дни, какіе ей осталось еще прожить, бѣдняжкѣ! У ней нѣтъ для васъ больше денегъ. Но вотъ